

Ольга ГЛАЗУНОВА

«НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ» ИОСИФА БРОДСКОГО: МОНОЛОГ ИЛИ СКРЫТАЯ ПОЛЕМИКА?

Нобелевскую лекцию Иосиф Бродский прочитал 8 декабря 1987 года в Стокгольме в Шведской королевской академии наук. Через два дня, 10 декабря, в городской ратуше король Швеции Карл XVI Густав вручил поэту Нобелевскую премию по литературе. Бродский выступил с благодарственной речью, которую начал словами: «Уважаемые члены Шведской академии, Ваши Величества, леди и джентльмены, я родился и вырос на другом берегу Балтики, практически на ее противоположной серой шелестящей странице».

Лекция и речь — это разные жанры, хотя очень часто в публицистике и даже в работах, посвященных выступлениям нобелевских лауреатов, их путают. Цель речи определяется ситуацией, в рамках которой она произносится (различают надгробную речь, торжественную речь, юбилейную речь, благодарственную речь, нобелевскую речь и т. д.) Цель лекции заключается в другом — изложить свои представления о той сфере, в которой специалист достиг значительных результатов.

Согласно сложившейся традиции лауреат Нобелевской премии должен подготовить и прочитать лекцию по «своему предмету». При этом жанр и тематика лекции не определены, то есть лауреат может строить свое выступление, исходя из своих собственных представлений. Не стал исключением и Бродский. О том, как поэт готовил лекцию, рассказал Бенгт Янгфельдт в «Заметках об Иосифе Бродском»¹.

По словам Янгфельдта, «Бродский написал лекцию по-русски и сразу отдал ее для перевода на английский». В то время «он не знал, на каком языке ее прочтет». Когда Янгфельдт был у него в Нью-Йорке, «он только что закончил русский вариант». Они обсуждали этот вопрос. «Я, — пишет Янгфельдт, — высказал мысль, что выбор языка должен зависеть от того, как он воспринимает премию, в каком качестве он ее принимает — как русский поэт или англоязычный эссеист. Он склонялся к тому, что прочтет ее по-русски, но окончательно еще не решил. Это было 29 ноября».

«Даже 8 декабря, в день выступления, он еще не решил, на каком языке прочтет лекцию. При вхождении в зал Шведской академии у него в кармане были оба текста. Он вынул русский». Это интересный факт, учитывая то, что Иосиф Бродский

Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает на филологическом факультете СПбГУ, доцент.

¹ Янгфельдт Б. Заметки об Иосифе Бродском // Звезда. 2010. № 5. Интернет ресурс: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2010/5/be12.html>

был номинирован на Нобелевскую премию как «русский, американский поэт». Согласился ли Бродский с такой трактовкой? Судя по его выступлениям — нет. Не случайно в 1988 году в интервью Арине Гинзбург Бродский дает исчерпывающий ответ по этому поводу: «Я чувствую себя русским поэтом, англоязычным эссеистом и гражданином Соединенных Штатов Америки»².

«Нобелевская лекция» Бродского строится по классическим канонам. Она состоит из трех частей: вступления; центральной части, в которой поэт размышляет о предназначении литературы в целом; и заключительной части, в которой он говорит о поэзии, роли языка в жизни общества и духовной миссии тех, «кем язык жив», то есть поэтов.

Обычно во введении нобелевские лауреаты подчеркивают факт случайности в присуждении им этой премии и отдают дань уважения своим предшественникам, соратникам и современникам — тем, кто не удостоился такой чести и не имел возможности обратиться с посланием с высокой трибуны Шведской академии наук. Следует этой традиции и Бродский, называя в качестве своих предшественников Осипа Мандельштама, Марину Цветаеву, Анну Ахматову, Роберта Фроста и Уистена Одена. «Быть лучше их невозможно ни в жизни, ни в творчестве»; «И это именно их жизни, сколь бы трагичны и горьки они ни были, заставляют меня часто — видимо, чаще, чем следовало бы — сожалеть о движении времени», — признается Бродский.

Возможно, сожаление, которое высказывает поэт, связано с тем, что их уже нет в живых. Но могут быть иные интерпретации: ведь движение времени для человека частного — это его собственная жизнь. Назвав имена русских и американских поэтов, чье творчество ему дорого и чей след в поэзии вызывает у него восхищение, Бродский считает необходимым отметить: «Их, этих теней — лучше: источников света — ламп? звезд? — было, конечно же, больше, чем пятеро». Особенно в его жизни, благодаря двум культурам, к которым он принадлежит.

На протяжении всей лекции Бродский подчеркивает свое положение как положение человека частного. И это не просто случайность: для поэта это был сознательный выбор, намеренное отстранение от роли трибуна, властителя масс. Ибо, как говорит Бродский, «лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником или властителем дум в деспотии».

От рассказа о себе и своих предшественниках Бродский переходит к разговору об искусстве и творчестве, развивая во второй части лекции ту же самую тему частного, необщественного, его характера. Для того чтобы убедительно и как можно более доходчиво изложить свои взгляды, Бродский прибегает к несколько необычным, но понятным для слушателей соответствиям. «Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства, оно (искусство. — О. Г.) вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность». Если предметы материального мира можно разделить с кем-то, то ощущения человека после прочтения стихотворения всегда уникальны. «За это-то, — считает Бродский, — и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости».

Именно произведения искусства, по мнению Бродского, создают из безликой массы людей — «ноликов» — пусть не всегда привлекательные, но «человеческие рожицы», вписывая в эти нолики «точку-точку-запятую с минусом». И в этом своем представлении о роли искусства в жизни общества поэт не одинок. «Великий

² Бродский И. Остаться самим собой (Интервью Арине Гинзбург) / Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 367.

Баратынский, говоря о своей Музе, — замечает Бродский, — охарактеризовал ее как обладающую „лица необщим выраженьем“. В приобретении этого необщего выражения и состоит, видимо, смысл индивидуального существования»; «прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую жизнь».

Художественная литература формирует среду, которая готовит человека к частной форме существования. А потому «подлинной опасностью для писателя, — считает поэт, — является не столько возможность (часто реальность) преследований со стороны государства, сколько возможность оказаться загипнотизированным его, государства, монструозными или претерпевающими изменения к лучшему — но всегда временными — очертаниями». Каким бы это государство ни было.

Преимущества индивидуализма как особой формы мировоззрения очевидны: независимость от общества предполагает личную ответственность человека за то, что происходит в его жизни, помогая ему избежать участи «жертвы истории». «Обладающее собственной генеалогией, динамикой, логикой и будущим, искусство, — подчеркивает поэт, — не синонимично, но в лучшем случае параллельно истории, и способом его существования является создание всякий раз новой эстетической реальности».

Среди способов, с помощью которых осуществляются попытки подчинить или приспособить произведения искусства к истории, Бродский выделяет расхожее мнение о том, «будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы». Подобные требования поэт считает неприемлемыми: «Только если мы решили, что „сапиенсу“ пора остановиться в своем развитии, литературе следует говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы»³.

Развивая эту мысль, Бродский отмечает особую роль эстетики в жизни общества, ее первичность в его преобразованиях и развитии: «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика — мать этики; понятие „хорошо“ и „плохо“ — понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории „добра“ и „зла“. В этике не „все позволено“ потому, что в эстетике не „все позволено“, потому что количество цветов в спектре ограничено». Представления о красоте лежат в основе этических норм, которые должны регулировать работу государственных структур и поведение человека в обществе.

Литература отвечает за формирование эстетических взглядов читателей, в дальнейшем этот опыт определяет нравственный выбор человека, делая его свободным. «Чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее — хотя, возможно, и не счастливее». Таким образом, литературу и поэзию как высшую форму развития словесности, по мнению Бродского, следует рассматривать не как побочный продукт, а как «видовую цель» человечества. Ведь «произведение литературы — искусства, по выражению Монтале, безнадежно семантического — обрекает его на роль только исполнителя», — говорит Бродский (ср. цветаевское: «Чтение есть соучастие в творчестве»). И это равенство между автором и читателем гарантировано природой, в силу того что каждый из нас рождается человеком разумным.

³ В Интернете (со ссылкой на И. Яковенко) этот отрывок из лекции Бродского представлен в качестве «прямой антитезы Нобелевской лекции Алексиевич, прочитанной 28 лет спустя» (см., например: <http://systemity.livejournal.com/3279737.html>). С этим трудно не согласиться. Создавать произведения искусства и заниматься публицистикой, фиксирующей «повседневность чувств, мыслей, слов», — это разные вещи. Отсюда, видимо, и многословность речи Алексиевич, неспособность не только выразить свои мысли языком художественной литературы, но и их структурировать.

Однако у этого процесса внутреннего освобождения есть и негативные стороны, связанные с «все возрастающей атомизацией общества, то есть со все возрастающей изоляцией индивидуума». Но и на это обстоятельство, считает Бродский, можно смотреть с определенной долей оптимизма, потому что «в качестве собеседника книга более надежна, чем приятель или возлюбленная». А потому «в истории нашего вида, в истории „сапиенса“, книга — феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса».

Словесность не удел избранных, это уходящая в глубь веков система сохранения и уточнения нравственных приоритетов общества. Развивая человека, формируя его эстетические и этические представления, «литература оказывается надежным противоядием от каких бы то ни было — известных и будущих — попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования. Как система нравственного, по крайней мере, страхования она куда более эффективна, нежели та или иная система верований или философская доктрина».

Вторую часть «Нобелевской лекции» Бродский заканчивает неожиданным предостережением. «Живя в той стране, в которой я живу (то есть в США. — О. Г.), — обращается к аудитории Бродский, — я первый готов был бы поверить, что существует некая пропорция между материальным благополучием человека и его литературным невежеством; удерживает от этого меня, однако, история страны, в которой я родился и вырос. Ибо сведенная к причинно-следственному минимуму, к грубой формуле, русская трагедия — это именно трагедия общества, литература в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции».

В приведенном отрывке (возможно, намеренно) упускаются важные логические переходы, но восстановить мысль можно. Что же мы имеем? С одной стороны, в Америке, где большинство пребывает в состоянии финансового благополучия, процветает литературное невежество (то есть чем богаче люди, тем невежественнее, по мнению Бродского). То же самое до 1917 года было и в неблагополучной России, где литература тоже была прерогативой меньшинства, правда, другого меньшинства — относительно благополучной интеллигенции.

И если в 1917 году в силу невежества большинства в России произошла революция, то же самое может случиться и в США, где большинство, по словам Бродского, пребывает в том же состоянии. И не только в США: «Русский опыт, — пишет Бродский, — было бы разумно рассматривать как предостережение хотя бы уже потому, что социальная структура Запада в общем до сих пор аналогична тому, что существовало в России до 1917 года».

То есть «в определенном смысле, — считает Бродский, — XIX век на Западе еще продолжается», а в России он уже закончился, и закончился трагедией «из-за количества человеческих жертв, которые повлекла за собой наступившая социальная и хронологическая перемена». Последняя фраза Бродского: «В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор» — тоже наводит на размышления.

В третьей, заключительной части лекции Бродский переходит к разговору о поэзии. Но прежде чем обратиться к этой теме, стоит вспомнить некоторые факты. Как известно, Иосиф Бродский стал пятым по счету русским писателем, удостоенным Нобелевской премии по литературе: в 1933 году ее присудили Бунину, в 1958 году — Пастернаку, в 1965 году — Шолохову и в 1970 году — Солженицыну. Непосредственным предшественником Иосифа Бродского был лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын, эмигрант, который тоже вынужден был уехать из СССР на Запад.

Любопытно, что в США Иосиф Бродский и Александр Солженицын никогда не встречались, хотя и жили недалеко друг от друга. Но, конечно, с творчеством друг друга они были знакомы. Лев Лосев пишет: «Если Бродского спрашивали о Солже-

ницыне как о писателе, то он неизменно повторял то, что некогда слышал от Ахматовой: „Для меня Александр Исаевич — это совершенно замечательный писатель, чьи книги должны прочесть все триста миллионов людей, проживающих в Советском Союзе“. Или: „Советская власть обрела в Солженицыне своего Гомера. Он сумел открыть столько правды, сумел сдвинуть мир с прежней точки...“⁴.

Безусловно, мнение Анны Ахматовой чрезвычайно много значило для Бродского. Кроме того, Солженицын был старше Бродского на 22 года; к тому времени, когда они вместе оказались в Америке, он был всемирно известным писателем, удостоенным Нобелевской премии. Однако (и этого Бродский никогда не скрывал) его взгляды на литературу кардинальным образом отличались от взглядов Солженицына.

Обратимся к двум интервью, в которых Бродский говорит о стилистических особенностях прозы Солженицына и его взглядах на литературное творчество. Из первого интервью: «Что касается языка Солженицына, могу сказать лишь одно: это не русский язык, а славянский. Впрочем, это старая история. Солженицын — прекрасный писатель. И как каждый знаменитый писатель, он слышал, что у такого писателя должен быть собственный стиль. Что выделяло его в 1960—70-х годах? Не язык, а фабула его произведений. Но когда он стал великим писателем, он понял, что ему должна быть присуща своя собственная литературная манера. У него ее не было, и он поставил задачу ее создать. Стал использовать словарь Даля»⁵. Из второго: «Он писатель. Но он пишет не с целью создать некие новые эстетические ценности. Он использует литературу, стремясь к древней, первоначальной, ее цели — рассказать историю»⁶. Если для Бродского история и литература должны двигаться параллельно, то для Солженицына, по мнению Бродского, литература и есть история.

Интересным представляется и тот факт, что Бунин и Шолохов на церемонии вручения Нобелевской премии произносили речи, и только Солженицын прочитал лекцию. То же самое сделал Бродский, который стал следующим русскоязычным лауреатом премии. Сопоставив их лекции, можно отметить, что Бродский строит свою речь на оппозиции к лекции Солженицына.

Первое, что бросается в глаза, это упоминание знаменитой фразы Достоевского: у Солженицына она звучит как «Мир спасет красота»; у Бродского — как «Красота спасет мир». Так как в романе «Идиот» эта мысль дается в пересказе, то в зависимости от ситуации она предстает то в том, то в другом варианте. Стоит отметить, что, включив вслед за Солженицыным эту фразу в свою лекцию, Бродский во многом разделяет и мысли своего предшественника.

У Солженицына: «Есть такая особенность в сути красоты, особенность в положении искусства: убедительность истинно художественного произведения совершенно неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, напористую публицистику, программу социальной жизни, философскую систему можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи». В лекции Бродского: «Человек со вкусом, в частности литературным, менее восприимчив к повторам и ритмическим заклинаниям, свойственным любой форме политической демагогии. <...> Зло, особенно политическое, всегда плохой стилист». Очевидно, что во взглядах на красоту и на политику между Солженицыным и Бродским противоречий нет.

⁴ Лосев Л. Иосиф Бродский. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 223.

⁵ «Чаще всего в жизни я руководствуюсь нюхом, слухом и зрением...» Беседа А. Михника с И. Бродским. Пер. с польск. Б. Горобца // Старое литературное обозрение. 2001. № 2 (278). Интернет-ресурс: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/2/mihn.html>

⁶ «В Солженицыне Россия обрела своего Гомера». Интервью И. Бродского журналу The Iowa Review. 1978. № 4. / Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Изд. 2-е, испр. М.: Захаров, 2000. С. 49.

Вместе с тем в своей лекции Бродский говорит о том, что искусство делает человека свободнее, а Солженицын — о том, что искусство делает человека лучше, благодаря слову правды, которое ему несет. И в этом принципиальная разница. Солженицын более оптимистичен в оценке роли искусства в современном мире: «Искусство, литература могут на деле помочь сегодняшнему миру». Бродский в нобелевской лекции делает акцент не на сегодняшнем мире, а на человеке: «Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно». Таким образом, если для Солженицына красота ведет к добру и истине — понятиям довольно абстрактным, то для Бродского — к этическим нормам, то есть к нравственному выбору каждого отдельного человека. Следовательно, по Солженицыну, красота, которая ведет к добру и истине, противопоставлена злу и лжи; а для Бродского красота противопоставлена несвободе. В данном противоречии заключается суть их разногласий.

В третьей части «Нобелевской лекции» Бродский переходит в наступление, отмечая, что «разговоры о политическом зле», столь же естественные для тех, кто разговаривает на русском языке, как пищеварение, «развращают сознание своей легкостью, своим легко обретаемым ощущением правоты». По природе своей они сходны «с соблазном социального реформатора, зло это порождающего». За зло в мире несут ответственность все, и писатели здесь не исключение. А потому их желание изменить мир к лучшему, считает Бродский, мало чем отличается от взглядов так называемых «социальных реформаторов».

Если Солженицын видит предназначение писателя в активном воздействии на политику и противодействию уродливым формам развития общества («И кому же, как не писателям, высказать порицание не только своим неудачным правителям (в иных государствах это самый легкий хлеб, этим занят всякий, кому не лень), но — и своему обществу, в его ли трусливом унижении или в самодовольной слабости»), то для Бродского заслуга поколения литераторов, к которому он принадлежит, состоит в «сохранении наследственного благородства известных» им форм культуры, которые для них «были равнозначны формам человеческого достоинства».

Свою нобелевскую лекцию Бродский во многом выстраивает на противопоставлении. Для Солженицына язык является средством доведения до общества взглядов автора; для Бродского он выступает в качестве самоцели — «одушевленного существа», подсказывающего поэту следующую строчку: «не язык является его инструментом, а он (поэт. — О. Г.) — средством языка к продолжению своего существования». В этом сосуществовании языка и поэта у последнего есть неоспоримое преимущество, потому что «стихотворение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения». «Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя».

Немаловажным является еще одно обстоятельство. Уже было сказано, что в начале лекции лауреаты традиционно говорят о своих предшественниках — о тех, кто им дорог и на кого они ориентировались в своем творчестве. И здесь, отдавая дань их памяти, Бродский использует то же самое слово «тени», которое было у Солженицына. Однако в лекции Бродского это слово относится совсем к другим людям. Для Солженицына это «тени павших» — тех, кого он встречал «в тюремных камерах и у лесных костров», кто умер безвестным и остался навеки погребенным под толстым слоем снега и льда архипелага ГУЛАГ. Для Бродского — это поэты, которые внесли огромный вклад в развитие не только его самого как личности, но поэзии в целом, сохраняя высокую ее планку и преемственность.

Солженицын видит свою миссию писателя в том, чтобы довести до мира слова тех, кто был вместе с ним, но кому «не удалось вернуться. Целая национальная ли-

тература осталась там, погребенная не только без гроба, но даже без нижнего белья, голая, с биркой на пальце ноги». Слова этих людей должны были быть явлены миру, потому что «в томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей, — говорит Солженицын, — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас». Ему удалось выжить, однако, выполняя долг перед погибшими, Солженицын чувствует сомнения в том, что ему удастся полностью передать смысл их послания: «И мне сегодня, сопровождаемому тенью павших и со склоненной головой пропуская вперед себя на это место других, достойных ранее, мне сегодня — как угадать и выразить, что хотели бы сказать они?» Но он говорит за них, чтобы «ни на миг не прерывалась русская литература!»

У Бродского таких обязательств нет, нет и уверенности в том, что он с нобелевской трибуны вправе говорить за своих великих предшественников — «тех, кого эта честь миновала, <...> чье общее молчание как бы ищет и не находит себе в вас выхода», потому что «писатель не может говорить за писателя, особенно — поэт за поэта», «по причинам прежде всего стилистическим». Да и задачи у Солженицына и у Бродского разные. Для Солженицына главное — говорить правду, способствуя преобразованиям к лучшему («Одно слово правды весь мир перетянет»), для Бродского — быть поэтом, следовать за «диктатом языка», сохраняя и развивая эстетические законы Вселенной.

Индивидуализм, о котором Бродский говорит в нобелевской лекции, выступает в качестве противовеса идее и практике подавления личности обществом или государством. И в этом смысле разногласий между ним и Солженицыным быть не может. Едва ли кому-то придет в голову обвинять Солженицына в том, что он выступал за несвободу личности; всей своей жизнью он доказал обратное. Очевидно, что он просто по-другому видел и понимал эту свободу.

Индивидуализм для Солженицына неприемлем, так как в его основе лежит отрицание принципа общности, а Солженицын выступает за коллективизм как форму национального существования, за возрождение русской соборной традиции. «В интервью 1979 года он ведет скрытый спор с Андреем Синявским и его журналом „Синтаксис“ — со всеми жгелитераторами, кто лишен „русской боли“»⁷. Возможно, именно этот спор подтолкнул Бродского к скрытой полемике с Солженицыным.

Со времени выступления Бродского в Шведской академии наук прошло тридцать лет. Трудно представить, какими стали бы взгляды поэта, если бы он жил в сегодняшнем мире. Откровенная слабость политических лидеров, настойчивое внедрение в сознание постмодернистских форм искусства, не имеющих ничего общего с эстетикой, профанация в сфере образования вряд ли остались бы незамеченными. Не говоря уже о печальных последствиях политики пренебрежения национальными интересами, которая привела к уничтожению целых государств, исходу из них мигрантов и возрождению крайне радикальных форм национализма. И все это сложилось в условиях преобладания индивидуалистического сознания, а не коллективного. Свобода без обязательств по отношению к другим людям привела к возникновению целого ряда маргинальных течений, целью которых является уже не просто попытка заявить о себе, но стремление одержать победу — подавить традиционные взгляды, вытеснив их из сознания общества.

Неудивительно, что в искусстве такого рода течения находят поддержку в массовой аудитории, ведь ни от художника, ни от читателя или зрителя они не требуют профессиональной подготовки, мастерства и таланта. В результате творчес-

⁷ Нива Ж. Феномен Солженицына. Интернет-ресурс: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/9/16n.html>

тво — это уже не удел избранных, а сфера деятельности людей случайных, из числа которых заинтересованные СМИ выбирают и продвигают «лидеров». Как писал Бродский в «Нескромном предложении», «демократия без просвещения — это в лучшем случае хорошо патрулируемые полицией джунгли с одним поэтом, назначенным на должность Тарзана». И это уже не преувеличение. Очевидно, что в наши дни многое из того, о чем тридцать лет назад говорил поэт, пытаясь предостеречь Запад, начинает сбываться.

Спор между индивидуалистами и коллективистами возник не сегодня, но именно сегодня мы наблюдаем результаты утраты равновесия между ними в обществе. Причины и следствия этого сдвига еще не изучены, однако в изложении двух нобелевских лауреатов, чьи доводы для многих являются весьма авторитетными, это противостояние приобретает особый смысл. Хотя позицию Бродского в этом вопросе нельзя назвать однозначной.

В 1964 году в ссылке Бродский пишет стихотворение «Мой народ, не склонивший своей головы», о котором Анна Ахматова сказала: «Или я ничего не понимаю, или это гениально как стихи, а в смысле пути нравственного это то, о чем говорил Достоевский в „Мертвом доме“: ни тени озлобления или высокомерия, бояться которых велит Федор Михайлович». Однако в тогдашнем окружении поэта «Народ» был воспринят как «стихи на случай», «послушное стихотворение», написанное исключительно для того, чтобы «задобрить власти», как «циничная попытка приспособиться к советским условиям». В то время, пишет Л. Лосев, «для многих, скорее всего для большинства читателей, почитателей, приятелей Бродского, единственным объяснением неиронического, лишённого эзоповских *double-entendres* произведения, посвященного „народу“, мог быть либо прямой конформизм, <...> либо неодолимое давление обстоятельств»⁸. Насмешки и обвинения достигли цели, и Бродский не включил «Народ» в сборники своих стихотворений.

Та же самая история произошла и со стихотворением «На независимость Украины». Накануне 75-летия со дня рождения поэта в Фэйсбуке на странице Бориса Владимировского (бывший одессит, в настоящее время живет в США) появился отрывок из выступления Иосифа Бродского 30 октября 1992 года, где он читает стихотворение «На независимость Украины». Эта публикация произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что до этого вокруг стихотворения не утихали споры. Многие не верили в то, что написал его Бродский. Теперь же все встало на свои места, однако возникли и вопросы:

1) В еврейском центре в Пало-Альто в момент выступления Бродского присутствовало, по словам Владимировского, «почти тысяча слушателей». Почему же они так долго молчали? Подобное поведение по отношению к Бродскому тех, кто не мог не разделять его взгляды, вызывает недоумение. А как же права человека и право личности на свободу творчества? Неужели ими можно пренебречь, составив коллективный заговор против поэта?

2) Фонд имущественного наследия Иосифа Бродского не мог не знать о том, что впервые стихотворение «На независимость Украины» было публично прочитано Бродским в 1992 году. Однако в Интернете на странице, где проходило его обсуждение, присутствует информация: «Текст стихотворения был удален из статьи по требованию Алексея Гринбаума, представителя Фонда по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского, The Estate of Joseph Brodsky». Подобная деятельность по отношению к творчеству поэта никак не может соответ-

⁸ Лосев Л. О любви Ахматовой к «Народу» // Мир Иосифа Бродского: Путевод. СПб.: Журн. «Звезда», 2003. Интернет-ресурс: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/losev-o-lyubvi-ahmatovoj-k-narodu.htm>

ствовать целям создания фонда. Ведь в результате сокрытия этой информации сведения в книгах, посвященных жизни и творчеству Бродского, оказались неверными.

3) Как эта видеозапись попала к Борису Владимировскому и в чем состояла его личная заинтересованность в ее обнаружении через 23 года после выступления Бродского? Те объяснения, которые он приводит на своей странице в Фэйсбуке, выглядят крайне противоречиво и необъяснимо. В одном из комментариев их даже назвали «страданиями либерала».

Похоже, индивидуализм Бродского дорого стоил поэту, и первыми среди тех, кто его предавал, оказывались близкие ему люди — те, кто был рядом или разделял его убеждения. Какими бы благими намерениями ни объяснялись запреты и требования к поэту (или к его творчеству) не выходить за рамки какой-то одной (в данном случае — либеральной) идеологии, они обрекают его на несвободу и искаженное восприятие со стороны читателей. По сути, подобные желания скорректировать чужую жизнь, вогнать ее в свои представления ничем не отличаются от позиции тоталитарного государства, направленного на подавление свободы личности и свободы творчества.

Очевидно, что человек разумный не может ограничиваться никакими навязанными ему установками, в разных ситуациях он будет вести себя по-разному. Если все вокруг знакомо и вызывает чувство скуки, он становится индивидуалистом — то есть тем, кто ищет новые пути и развивает идеи, которых раньше не было. Если, наоборот, ситуация складывается угрожающе и противостоять ей можно лишь сообща — бок о бок с теми, кто находится рядом, — он придерживается принципов коллективизма. Даже самый убежденный и непримиримый индивидуалист при решении трудных задач вынужден будет обратиться к здравому смыслу — этому коллективному бессознательному, которое помогает справиться с сомнениями, сориентироваться, оценить обстоятельства и сделать первый шаг в правильном направлении.

В отличие от Запада, Россия могла только мечтать о спокойных, наводящих скуку временах, и нет ничего удивительного в том, что коллективизм стал неотъемлемой частью сознания людей, которые в ней проживали. Игнорировать подобное положение вещей неразумно, но это не отменяет возможности обсуждения преимуществ той или иной позиции. А потому споры о том, что лучше — индивидуализм или коллективизм, продолжатся и в нашей стране, и на Западе.